

Маргарита Менчинская

Тёмная сторона Луны

ЛитРес: Самиздат
Москва

УДК 82-3
ББК 84(2)6
М50

Менчинская М.

Тёмная сторона Луны / Менчинская М.; худ. Мацур -
автор фото А., Улин - автор обложки В. — Москва: ЛитРес:
Самиздат, 2021. — 644 с.

ISBN 978-5-532-96968-1

Пронзительная история школьной дружбы, пройдя серьёзные испытания временем и расстоянием, могла остаться нерассказанной, если бы не гибель одного из главных героев. Автор книги предлагает совершить увлекательное путешествие в мир самых разных человеческих чувств – от любви и благородства до зависти и ненависти, а заодно вернуться в конец семидесятых – начало восьмидесятых годов прошлого столетия, прославившихся не только очередями и дефицитами, но и музыкой, равной которой мир больше не создавал. Музыка в книге - это связка событий и своего рода действующее лицо. Название заимствовано у легендарной группы Pink Floyd. Тёмная сторона Луны – это больше, чем просто песня, вошедшая в их восьмой и самый успешный альбом и давшая ему название. Для человечества - это некий символ недосказанности, тайны, мистический образ, позволяющий заглянуть внутрь самого себя.

Содержание

Глава 1	15
1	15
2	33
3	38
4	54
5	65
6	72
7	83
8	89
9	95
10	103
11	107
12	112
13	122
14	130
15	135
16	139
17	151
18	155
19	169
20	184
21	188
22	197
23	202
Глава 2	205
1	205

2	210
3	220
4	223
5	230
6	243
7	247
8	256
9	259
10	263
11	270
12	274
13	281
14	285
15	292
16	305
17	310
18	315
19	328
20	330
21	338
22	341
23	345
24	351
25	359
26	366
27	371
28	379
29	390

30	397
31	408
32	416
33	419
Глава 3	425
1	425
2	429
3	433
4	439
5	442
6	444
7	450
8	452
9	457
10	460
11	468
12	481
13	485
Глава 4	487
1	487
2	497
3	507
4	533
5	536
6	541
7	553
8	560
9	569

Глава 5	589
1	589
2	595
3	610
4	617
5	624
6	626
7	630
Эпилог	640
Посвящение первой любви	643

«Не оставайтесь должными никому ничем, кроме взаимной любви; ибо любящий другого исполнил закон». Из послания к римлянам святого апостола Павла; гл. 13, ст.8.

Александру С. и Олегу П.

Все свои роли осень отыграла на бис с упоением женщины, слегка за сорок, и напоследок явилась в образе вздорной, выжившей из ума старухи. Обнажённый, пронизанный ветрами, город тонул в мареве тумана. В воздухе стоял запах разлагающейся листвы. Дождь порой моросил сутками и будил по утрам неясной тревогой, которая разрезала сон, будто скальпелем, и больше не позволяла уснуть.

Что разбудило Катю сегодня, она не совсем понимала. Но будто ощутила прикосновение руки к своему плечу. Глаза открывать не спешила. Видимо, ещё питала надежду, что досмотрит этот странный сон, который оборвался на самом интересном месте и стал распадаться на какие-то неясные обрывки. Всё ещё распятая между сном и реальностью, одной рукой она удерживала сон, другой – буквально вцепившись в короткий поводок – мысли. Неделя, две, больше? Катя действительно не помнила, который день начинала с вопроса – ехать или же остаться дома.

Вероятно, мысли всё-таки сорвались с поводка, раз она вспомнила об этой поездке. Сказать, что она не хотела ехать, это ничего не сказать. Непростой, насыщенный событиями, 2-ой год новой эры она мечтала завершить спокойно. Суэта, спешка, какие-то вечные дела, став практически нормой, всё больше меняли людей и их ничтожные жизни не в лучшую сторону. Настоящее напоминало бабочку, которая робко присаживалась на плечо и сразу взмывала в небо, оставляя после себя ощущение недосказанности, незавершённости, потери. Жить этим моментом получалось всё хуже. Будущее пугало, и только в прошлом существовали спасительные островки стабильности, к которым хотелось возвращаться вновь и вновь. Сложность представлял лишь выбор маршрута. Шаг влево,

шаг вправо, и память превращалась в монстра, высвечивая, будто лучом прожектора, всё то, что ты старался забыть годами.

Обычно, чтобы собраться в путь, Кате не требовались методы стимуляции. Всякий раз, отпуская мужа в командировку, она испытывала настоящую ломку и успокаивалась только в том случае, когда могла подстроиться под его расписание. Дорогу она любила. Не поезда и не самолёты, а именно путешествие на автомобиле. Созерцание под приятную музыку или шуршание шин сродни прогулке по опавшим листьям в лесу или в парке. Терапевтический эффект – при минимуме вложений – колоссален. Катя никогда не отказывалась от таких подарков. Сейчас – не понимала себя и сопротивлялась всем существом и всем упрямством, на какое только способна женщина её лет. Впрочем, она всегда отличалась упрямством. Уж если что-то вбивала себе в голову, то шла до победного конца. Сейчас это самое упрямство было направлено не во благо, а против самой себя и куда-то вглубь. Даже почерк, аккуратный в юности, становился всё более размашистым, будто копируя годы, что исчезали за спиной со стремительностью стихийных бедствий. И вот уже не за горами первый серьёзный, по значимости, юбилей, генеральная репетиция перед вхождением в зрелость. Если верить психологии, возраст не из лёгких и даже опасный. У мужчин бес в ребро. У женщин, видимо, тоже не без сложностей, с массой противоречий. Совсем не любительница загадывать наперёд, Катя то и дело ловила себя на мысли, что строит планы, как бы отметить ненавистный день рождения без ущерба для собственных чувств. Идеально для её теперешнего состояния подошла бы поездка на море, всей семьёй. На крайний случай, за город, в какой-нибудь милый пансионат в сосновом бору на берегу реки или озера. Бывая в Москве у друзей, как обычно проездом и впопыхах, Катя не один раз обещала самой себе, что устроит каникулы, проведя несколько дней вдвоём с мужем в Москве или в Питере. Когда им в последний раз удавалось побыть вдвоём! А в кино? Когда они в последний раз были в кино? Тем более, в театре! В настоящем театре, когда учились в Минске! А это было не просто давно – в прошлой жизни.

О, да! И трава тогда была зеленее, и колбаса вкуснее. Ностальгия накатывала всё чаще, внезапно и порой из ничего. Песня, фильм, фраза – всё шло впрок. Прошлое стало каким-то назойливым: вторгалось в сны, будило воспоминания. Одним придавало значимость, другие задвигало в тёмный угол памяти. Катя устала спорить с собой и наконец открыла глаза.

В мутной глубине зеркала, висящего над комодом, угадывались очертания шкафа. Розовый абажур светильника, в тон цветам на бордюрах, обрамляющих верх и углы стен, выглядел серым. Светилось, выделяясь на фоне совершенно тёмной стены, начисто лишённой цвета, лишь его белоснежное основание. Ночь неустанно и безжалостно поглощала день, и чувство времени абсолютно атрофировалось. Часы, поторапливаясь за секундной стрелкой, тикали на стене кухни. Звук, размеренный и привычный, как пение цикад летней ночью, проникал через узкую щель под дверью вместе с тоненькой полоской света. Мысли упорно теснили одна другую и вдруг совсем остановились на больной теме.

Стараясь не разбудить мужа, Катя накинула халат на плечи и отправилась на кухню. Шум города, практически неразличимый в спальне, ударил в грудь перестуком трамвайных сцепок. Катя налила воды в стакан и, подойдя к окну, застыла с выражением восторга на лице. Но вряд ли любовалась, скорее, не соглашалась поверить в ночной снегопад, который не только покончил с осенью, но и скрыл все следы её преступлений.

– Всё будет хорошо, – произнесла она шёпотом, улыбнулась просветлённо и повторила громче – каждое слово отдельно – всё будет хорошо.

Ей показалось, что перед глазами мелькнуло лицо Сашки, его виноватая грустная улыбка. Слышать свой голос, немного хриплый спросонья, повторяющим его слова, с его неповторимой интонацией, было довольно жутко. Сердце замерло и вдруг ухнуло вниз с высоты десятого этажа, и, чтобы не упасть, Катя схватилась рукой за подоконник. Машин было ещё немного, и они проплывали мимо, но так и не смогли рассеять мысли, которые почему-то упёрлись в тот день, когда не стало отца. С той самой поры Катя пугалась позд-

них телефонных звонков и резких перепадов настроения. Первой вспомнила маму, следом – давно ставший паранойей – страх за мужа. Возникший совсем не на пустом месте, укрощению он уже не поддавался. Более того, часто ставил Катю в тупик, однако сейчас поставил точку в споре, который продолжался все эти дни, пока решалась судьба поездки.

При благоприятном стечении обстоятельств за это время можно было два раза съездить в Подвилье и, уладив все дела, вернуться. Однако кто-то будто намеренно удерживал Катю в четырёх стенах, отдав на растерзание памяти, которая становилась особенно беспощадной, когда ей предстояло отправиться в родные места.

Путь неблизкий: больше тысячи километров в одну сторону по дорогам сомнительного качества. Если через Москву – все полторы. Ночь до Москвы на поезде, пустой день шатаний по городу, ещё одна бессонная ночь в вагоне, несколько часов на вокзале промежуточной станции и ещё пять бесконечных часов тряски в электричке с остановками у каждого столба. Раньше Катю не пугали трудности, а пункт назначения, указанный в билете, был центром притяжения. Время смогло подлечить эту рану, но каждый раз, собираясь туда, ей приходилось отдирать от себя засохшие бинты с мясом, а потом снова мазать зелёной и бинтовать. Приступы жажды, к счастью, случались всё реже. Катя утоляла их в приезды мамы: выпрашивала обо всех переменах, о друзьях и одноклассниках, охотно окуналась в воспоминания и довольно легко исключала из этой неразрывной и прочной цепи одно из них, самое болезненное из всех неприятных. Ныне, и это выглядело странным, именно оно держало Катю в напряжении, заставляя радоваться каждой отсрочке. Последняя – совсем под занавес – происходила из-за неисправности машины. Катя узнала об этом накануне вечером, из разговора с мужем, но вспомнила только здесь, стоя у окна, испытав огорчение такой силы, что с трудом сдержала слёзы. Ехать хотелось прямо сейчас, ни минутой позже.

Ровно к обеду, в ускоренном темпе, решились все дела. Отыскалась даже деталь, обещанная на понедельник, а также окно в расписании мастера. Ехать раньше субботы не имело смысла. Катя